

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Родион (Ларионов), иерод.

**МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА СЛАВЯНО-
ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА
КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР
РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ**

Богословские труды. Юбилейный сборник,
посвященный 325-летию Московской
Духовной Академии (1685-2010).
Сергиев Посад, 2010, №11-12. С. 178-222

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Московская православная духовная академия
www.mpda.ru

Москва, 2014

ОТДЕЛ II

ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

ИЕРОДИАКОН РОДИОН (ЛАРИОНОВ)

МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА СЛАВЯНО- ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Судьба Московской Славяно-греко-латинской академии в XVIII в. остается интересной областью для исследователей истории высшего образования в России и за рубежом. После удаления из новооткрытой школы ее отцов-основателей братьев Лихудов и периода неопределенности наступает новая эпоха в ее развитии, связанная с развитием европейской университетской идеи на московской почве.

Современная историография определяет университеты как «высшие учебные заведения, основанные или признанные в качестве университетов или академий равного им уровня властями той территории, где они находятся, а также выдающие дипломы, получающие признание со стороны церковных или гражданских властей»¹. Кроме того, доклассические² университеты обладают определенными свойствами: элементы самоуправления, наличие внутреннего суда (так называемой «академи-

¹ Цит. по: *Андреев А. Ю.* Начало университетского образования в России: точки зрения российской и зарубежной историографии // *Отечественная история.* 2008. № 4. С. 158.

² Т. е. те, которые были до классических университетов, появившихся прежде всего в Германии во второй половине XVIII в.

ческой свободы»), самовосполнение корпорации через выборы (типичная средневековая цеховая черта), определенная финансовая самостоятельность, а также право на производство в ученые степени³. Часто подобные учебные заведения характеризовались особенными отношениями с государством, что выражалось, например, в выполнении поручений по цензуре книг или в некоторых экономических привилегиях, таких как освобождение от различных налогов (таможенных пошлин, городских налогов, экстраординарных военных налогов)⁴. Данная статья посвящается исследованию материальной базы Славяно-греко-латинской академии. Результат поможет ответить на вопрос, действительно ли ориентировались реформаторы российского образования на европейскую модель в этом аспекте, и если да, то насколько этот финансовый фактор определял статус академии как университета. Иные параметры университетского статуса Славяно-греко-латинской академии рассмотрены в других работах⁵.

Источниковая база статьи состоит из архивных данных и опубликованных источников. Все материалы, касающиеся СГЛА, распределены между несколькими архивами. Это Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ), Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонды РГИА имеют огромную ценность, поскольку содержат архивы Святейшего Синода и канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода с информацией о СГЛА. Значительная часть (прежде всего материалы по первой половине XVIII в.) были опубликованы в двух хорошо известных сериях («Описание документов и дел,

³ Андреев 2009. С. 53–57.

⁴ Там же.

⁵ Предполагается ряд следующих публикаций автора, принятых к печати: «Университетская автономия» в Московской Славяно-греко-латинской академии (XVIII — начало XIX в.) // Вестник МГУ. 2010. № 4; Студенчество в Славяно-греко-латинской академии в первой половине XVIII в. // Отечественная история. 2010; Московская академия на перепутье: от Лихудовской школы к «заведению латинских учений» (1694–1701) // Сборник докладов Международной научной конференции «Религиозное образование в России и Европе» (27–29 мая 2010). СПб., 2010.

хранящихся в архиве Святейшего Синода» и «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания») еще в конце XIX в.⁶ Фонды ЦИАМ практически не содержат информации по материальному положению Академии, а то малое, что там собрано, относится к последней четверти XVIII в. Из НИОР РГБ к теме работы имеет отношение только фонд № 277. Тем не менее, самые ранние документы датируются 1745 г. и уже были использованы С. К. Смирновым в его классическом труде по истории Академии⁷. Наиболее редкие и малоизвестные документы, касающиеся темы исследования, сохранились в фондах РГАДА. К сожалению, в РГАДА отсутствует отдельный фонд, где были бы собраны все документы, касающиеся Славяно-греко-латинской академии. Сведения о ней можно найти в фондах Заиконоспасского монастыря, Сената, Коллегии синодального экономического правления и даже Оружейной палаты.

1. АКАДЕМИЯ В ВЕДЕНИИ ПАТРИАРШЕГО ПРИКАЗА

Критики университетского статуса Академии, касаясь вопроса материального содержания, указывают на то, что финансирование на начальном этапе проводилось из Патриаршего казенного приказа, а не за счет доходов с собственности, как в Европе⁸. С учетом общих принципов финансирования духовных учебных заведений той эпохи данный вывод представляется преждевременным. Хотя Патриарший приказ финансировал Типографскую школу, бывшую средним учебным заведением, многие другие средние школы, открывавшиеся, как правило, при архиерейских домах, финансировались отнюдь не государством, а Церковью. Известен также случай, когда обеспечение средних (возможно и начальных) губернских школ осуществлялось Церковью и государством одновременно: учителя получали государственное жалование, од-

⁶ Подробнее об этих сериях и особенностях документов, в них изданных, см., напр.: Смолич И. К. История Русской Церкви (1700–1917). Ч. 1. М., 1996. С. 43–44.

⁷ Смирнов 1855.

⁸ Подробнее на эту тему см.: Андреев 2009; Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.

нако сами школы располагались при монастырях и архиерейских домах, откуда, очевидно, получали пропитание учителя и студенты. Согласно указам 1714, 1716 и 1719 г. такие школы были открыты в Москве, Новгороде, Вологде, Пскове, Ярославле, а присылкой учителей ведал Патриарший Местоблюститель преосвященный Стефан Яворский⁹.

Возможно, применительно к Московской академии следует говорить об определенных чертах уже модифицированных университетов, которые в Европе начали формироваться как раз в это время. Кроме того, тогда как в «доклассических» университетах ученики сами платили за лекции, в Академии студенты находились преимущественно на государственном иждивении, а прослойка «своекоштных» студентов образовалась чуть позже. К тому же скрупулезный анализ расходных книг Патриаршего казенного приказа позволил Б. Л. Фонкичу обнаружить два важнейших факта: 1) «как только прибывшие в Москву Лихуды открыли Богоявленскую школу и стали, подобно Тимофею (директор упоминавшейся Типографской школы. — *И. Р.*), получать вместе со своими учениками регулярные денежные выдачи из Патриаршего казенного приказа, сразу же обозначилась разница в именовании учителей Богоявленской и Типографской школ: Лихуды несколько раз называются «учителями высших наук», тогда как Тимофей характеризуется теми же самыми словами, что и в записях о нем за все предыдущее время»¹⁰ и 2) «с момента основания училища Лихудов, т. е. с 1 июля 1685 года, их ученики стали ежедневно получать по 3 деньги кормовых денег, тогда как выдача учащимся I статьи Типографской школы была уменьшена с 3 до 2 денег и оставалась на этом уровне вплоть до закрытия школы Тимофея»¹¹. Значит, Московская академия с точки зрения государства (Патриаршего казенного приказа) имела статус, превосходящий статус средней школы, т. е. фактически являлась высшей школой. Ее финансирование, как и финансирование Типографской школы, приобрело общегосударственное значение.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 455–455 об.

¹⁰ Фонкич 1999. С. 232.

¹¹ Там же.

2. ПЕРВАЯ РЕФОРМА: ПЕРЕДАЧА АКАДЕМИИ
В ВЕДЕНИЕ МОНАСТЫРСКОГО ПРИКАЗА

В 1699 г. в Москву возвращается из заграничного путешествия иеромонах Палладий (Роговский), ученик Лихудов еще по Богоявленской школе, первый москвитянин, получивший диплом доктора богословия и философии. Он стал первым ректором Академии. Второй фигурой, с которой связаны коренные преобразования в обновляемой школе, был Патриарший Местоблюститель митрополит Стефан Яворский, назначенный Петром I в 1701 г. протектором Академии. Он строит образовательный процесс, ориентируясь на малороссийскую традицию, прежде всего на Киевскую коллегию, вскоре получившую статус Академии. Через несколько лет начнется карьера Феофилакта (Лопатинского), с которым связано немало академических преобразований. Сначала он был преподавателем философии в Академии и ее префектом (1704–1706), затем — преподавателем богословия и ректором (1706–1722).

25 октября 1700 г. А. Курбатов докладывал царю об угрозе закрытия Академии: «Школа, бывшая под призрением патриарха и под управлением монаха Палладия, в разстройстве: живущие в ней до 150 человек зело скорбят, всего лишены, и учиться им невозможно: потолки и печи обвалились»¹². 16 декабря Петр I подписывает указ об упразднении Патриаршего приказа и перераспределении его полномочий между другими приказами и только что назначенным Патриаршим Местоблюстителем: «...которые дела в Патриаршем приказе были, и впредь будут в расколе, и в каких противностях Церкви Божией и в ересях: и те дела ведать Преосвященному Стефану митрополиту Рязанскому и Муромскому»¹³. Академия была передана в ведение Яворского, который был назначен ее протектором в конце 1700 (не ранее 16 декабря,

¹² Там же. С. 164–165.

¹³ ПСЗРИ. Т. 4. № 1818. С. 87–88. По замечанию Н. Устрялова, до учреждения Синода в 1721 г. официально митрополит Стефан титуловался «Экзархом Святейшего патриаршего престола, блюстителем и администратором», хотя в переписке часто подписывался «Стефан пастушек Рязанский» (Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1863. С. 549).

когда был издан указ об упразднении Патриаршего приказа) или в самом начале 1701 г. (не позднее 11 января, когда перепуганные иезуиты стали писать о приглашении Яворским в Академию нескольких киевских учителей)¹⁴. Очевидно, что митрополит Стефан не стал бы принимать решений по Академии, если бы не имел полномочий. 29 февраля 1701 г. иезуит Фр. Эмилиан сообщает, что из Киева уже приехали монахи, «которые преподают гуманитарные науки, философию и богословие, потому что светлейший царь основал академию и общежитие для тех воспитанников, которые желают быть священниками»¹⁵. 24 января 1701 г. был восстановлен печально известный Монастырский приказ¹⁶, закрытый 19 декабря 1677 г. стараниями патриарха Иоакима. Первоначально это привело к фактическому прекращению финансирования Академии.

Тем не менее, сохранились данные от 6 апреля 1701 г. о выдаче жалования школьным учителям иеромонахам Венедикту (Лукашевичу) и Иерофею (Бартошевичу) по 10 рублей¹⁷. 28 февраля 1702 г. было выдано содержание «Латынских школ учителям иеромонаху Арафаилу с братиею 8 чел. ... по 50 руб. человеку, русских школ учителем же двум человеком, да учеником 104 чел. ... всего им учителем и учеником 657 руб. 8 ден.»¹⁸ на полгода вперед. В то время в Академии велись ремонтные работы. Так, 19 июня 1701 г. «по указу великого государя и по росписи, какову из Монастырскаго приказу в Патр<иарший> Казенный приказ за пометою дьяка Евфима Зотова Спасскаго монастыря, что за Иконным рядом, игумен Палладий, и за своею рукою принес, по которой он Палладий росписи к школьному строению покупал бревна, и доски, и скалу, и дрань, и дубины, и гвоздья, и плотником за дело давал, додаточных 4 руб. 18 алт. 2 ден.», а 29 ноября того же года была вручена денежная сумма «игумену Палладию и Ректору на строение и на починку и на всякие покупки школ, что в Китае, 1000 руб.»¹⁹. Сле-

¹⁴ Харламович 1914. С. 644.

¹⁵ Там же. С. 645.

¹⁶ ПСЗРИ. Т. 4. № 1829. С. 133.

¹⁷ Харламович 1914. С. 645.

¹⁸ Забелин 1884. С. 394–395.

¹⁹ Там же. С. 394.

дует также упомянуть случай (13 февраля 1702 г.), когда государство возместило бывшему Рязанскому митрополиту Авраамии 300 рублей «на строение каменных и деревянных его келей, которые он строил своими деньгами в Спасском монастыре, что в Китае»²⁰.

Монастырский приказ получил статус государственного финансово-го учреждения и находился под руководством бывшего астраханского воеводы графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина. Он начал проводить активную политику Петра относительно церковных вотчин, в т. ч. осуществил подворную перепись, что привело к появлению т. н. «табели 1710 года», или фактической нормы дохода и расхода²¹. После учреждения Сената 2 марта 1711 г.²² И. А. Мусин-Пушкин был назначен его главой, а Монастырский приказ под началом П. И. Прозоровского был подчинен Сенату на общих основаниях²³. Академия осталась в ведении митрополита Стефана Яворского: «... боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому велено ведать Монастырским и Дворцовым казенным приказами кроме школ учителей и учеников»²⁴.

После разрушения приказного строя в 1706 г. Монастырский приказ сохранил свою обособленность, однако с учреждением коллегий в 1711 г. в качестве центральных государственных учреждений должен был утратить свое значение. 17 августа 1720 г. его функции были переданы Штатс-конторе, Камер-коллегии и Юстиц-коллегии, а сам он был упразднен. Однако новоучрежденный Святейший Синод, после передачи в его ведение²⁵ всех церковных вотчин Петром²⁶, вновь восстановил Монастырский приказ²⁷ — для управления этими

²⁰ Там же.

²¹ *Верховский 1999*. С. 5.

²² ПСЗРИ. Т. 4. № 2328. С. 634–635.

²³ *Верховский 1999*. С. 5.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 6.

²⁵ П. Верховский отмечает, что термин «ведение» некорректен и следует говорить лишь о наблюдении за правильным пользованием церковными именьями, фактическим же собственником этих имений уже является государство (*Верховский 1999*. С. 2).

²⁶ ПСПР. Т. 1 (1721). 1879. № 3. С. 34.

²⁷ См. соответствующий указ в: ОДДС. Т. 1 (1542–1721). 1868. № 259. С. 250.

вотчинами²⁸. Таким образом, в рассматриваемый период до учреждения Святейшего Синода жалование учителям и содержание ученикам Академии должно было выплачиваться из Монастырского приказа как преемника Патриаршего приказа.

Митрополит Стефан Яворский утверждал состав преподавателей: именно за его подписью отсылалась в Монастырский приказ ведомость преподавателей для выдачи им жалования: «...в имянном Великого Государя указе... велено на Москве в школах для учеников всякого чину людей быть учителем и давать тем учителем жалованье из Патриаршего казенного приказу по росписи, какову пришет Пресвященный Стефан митрополит Рязанский и Муромский»²⁹.

Таким образом, можно говорить о конце 1700 и начале 1701 г. как о периоде, когда была осуществлена первая реформа Лихудовской академии, в том числе и с точки зрения финансового управления. С этим выводом согласно большинство исследователей³⁰.

Финансирование Академии в период ее подотчетности Монастырскому приказу хорошо прослеживается в период ректорства архимандрита Феофилакта (Лопатинского). Источники свидетельствуют, что архимандрит Феофилакт не за страх, а за совесть исполнял возложенные на него ректорские функции, именно его административному таланту и ревностному служению Академия обязана своим развитием в первой четверти XVIII в. В начале содержание ректора и семи учителей составляло 100 рублей в год каждому: «...с 1700 году по 1706 год давано им Славенолатинских школ учителем осьми человеком по сту рублей человеку»³¹. Но с назначением Феофилакта на пост ректора в 1706 г. ситуация стала меняться к лучшему. В конце 1706 г. добавился один преподаватель, и общее число корпорации составило 9 человек: «В 1706 году декабря 30 дне по выписке за пометкою дьяка Ивана Иванова ко осьми человеком прибылому девятому челове-

²⁸ Верховский 1999. С. 6–7.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 4. Здесь указан *terminus post quem* указа: «По справке в Монастырском приказе в прошлом 1711 году июля в 7 день».

³⁰ См., напр.: Воскресенский Г. Ломоносов и Московская Славяно-греко-латинская Академия. М., 1891. С. 13.

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 4.

ку дано сто рублей. И с 1707 по 1710 г. записано им девяти человек по сту рублей каждому»³². Этих денег, конечно, не хватало на самые элементарные нужды, однако после написания службы к Полтавской победе³³ царь увеличил жалование: «В ... 1710 году августа в 15 день в письме из Санкт Питербурха... по имянному Ево Великого Государя указу архимандриту Феофилакту Лопатинскому... велено давать по триста рублей в год. Да сентября в 29 день того же 1710 году... учителем Славенолатинских школ Спасского монастыря что за Иконным рядом монахом осьми и Елиногреколатинской школы иеромонаху Софронию Лихуду всего девяти человеком за труды школьного ученику к прежним окладам ко сту рублям прибавить по пятидесят рублей...»³⁴. Так же обстояло дело и в следующем 1711 г.: «...архимандриту Феофилакту 300 рублей, протчим учителем по 150 рублей, всего 1350 рублей»³⁵. Задержка произошла в 1712 г., причем ректору пришлось обращаться прямо к царю: «Державнейший Царь Государь Милостивейший! По твоему Великого Государя указу дается нам богомольцем Твоим девяти человеком учителем Славенолатинского языка Твое Великого Государя жалованье на год, осьми человеком по сту по пятидесят рублей человеку, архимандриту по триста рублей. И на прошлый 1711 год то твое Великого Государя жалованье нам богомольцам Твоим из Монастырского приказу выдано. А на нынешний 1712 год не выдано. Всемилоостивейший Государь, просим Вашего Величества да повелит Ваше Державство нам богомольцам своим девяти человеком учителем Славенолатинского языка свое государево жалование на нынешний 1712 год выдать. Вашего Царского Пресветлаго Величества нижайшии рабы и всегдашнии богомольцы учителя Славенолатинского языка. Архимандрит Феофилакт с прочими учительми»³⁶. Это письмо вызвало настоящую проверку деятельности Монастырского приказа, и в итоге Сенат приказал: «Послать в Монастырский приказ указ велеть вышеписанным учителем девяти человеком Ево Великого Государя жа-

³² Там же. Л. 4–4 об.

³³ Смирнов 1855. С. 96.

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 4 об.–6.

³⁵ Там же.

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 3.

лование по окладом в нынешнем 1712 году выдать...»³⁷. Хотя учительские оклады и были выплачены, содержание учеников было удержано, о чем в канцелярию Сената снова писал ректор: «...на нынешний 1712 по Ево Великого Государю указу из канцелярии Правительствующего Сената то вышеписанное жалованье из Монастырского приказу учителем выдано, а учеником кормовых денег прошлого 1711 году с декабря месяца по нынешний 1712 год также и на нынешний 1712 год без указу... не выдано. И о выдаче тем учеником кормовых денег Великий Государь что укажет»³⁸. 7 апреля 1712 г. письмо дошло до адресата, и на следующий день из канцелярии Сената в Монастырский приказ был направлен указ «о выдаче кормовых денег» студентам Академии³⁹. Архимандрит Феофилакт пытался упредить волокиту и в самом начале 1714 г. направил царю письмо следующего содержания: «В прошлых годах определенное Вашего Царского Пресветлага Величества жалование учителем и учеником школ Ваших Государских Славенолатинских Московских с великою трудностию и задержкою подаеца, откуда учителем и учеником немалое бывает препятие к прилежанию школьному. Того ради просим Вашего Царского Величества, да изволит Державство Ваше Свой милостивейший указ подтвердить о помянутом жаловании дабы оно без волокиты из Монастырского приказа выдавано, чтоб ученики в конец не розошлись и дело учения начатое без плода не окончилось»⁴⁰. 12 января 1714 г. в Монастырский приказ последовал указ из Сената о том, чтобы «архимандриту префекту Лопатинскому и Славенолатинских школ учителем и учеником... Его Великого Государя окладное жалованье на нынешний 1714 год выдать по прежнему из Монастырского приказу, записав в расход с роспискою, для того что без дачи жалованья оной школе в состоянии своем быть невозможно...»⁴¹.

Сохранились также сведения и о финансировании преподавания греческого языка, осуществлявшегося с переборами. В частности, сохрани-

³⁷ Там же. Л. 6 об.

³⁸ Там же. Л. 11—11 об.

³⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 12—12 об.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 513. Л. 8.

⁴¹ Там же. Л. 9.

лась переписка Софрония Лихуда с И. А. Мусиным-Пушкиным по поводу вознаграждения учителя греческого класса Алексея Барсова. В 1718 г. Софроний Лихуд, возвратившийся в Москву, жаловался в Сенат: «Набраны ученицы из поповых, дьяконовых и из церковнических детей, и ныне учатся» греческому языку, «над ними учинен быть учителем под мною из прежних моих учеников, который был над прежними учениками надзирателем Алексей Барсов, а определения тому Барсову за тот ево труд ничего не учинено, чем бы было ему кормиться будучи безпрестанно у того дела. Также и новонабранным ученикам определения о корму не учинено»⁴². В ответ 15 марта того же года последовал указ за подписью главы Сената графа Мусина-Пушкина: «Греческие школы учителю Алексею Барсову за учение греческого языка школьников, ево Великого Государя жалование давать по гривне, а учеником по четыре деньги на день человеку с Печатного двора»⁴³.

Тем не менее, реформа системы финансирования не решила самой проблемы недостатка средств. Все усугублялось тем, что реформа происходила на фоне постепенного ослабления позиций митрополита Стефана как местоблюстителя и как протектора Академии. При этом увеличивается давление со стороны различных бюрократических ведомств: «учеников по челобитью всяких чинов людей таскают в другие приказы и убытчат»⁴⁴, привлекают раньше времени на государственную службу⁴⁵, не выдают дрова на зиму⁴⁶ и пр. Апеллировать же можно было

⁴² РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 174.

⁴³ Там же. Л. 177. Факт подведомственности греческой школы академическому начальству подтверждается синодальным указом ректору о переводе ученика греческой школы Анфиногена Аратова в связи с некоторым инцидентом. К сожалению, указ сохранился в очень плохом состоянии, удалось лишь реконструировать дату — начало 1722 г. (РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 26а).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 170.

⁴⁵ «...В те вышеозначенные школы приеманы были ученики, и из тех вышеписанных учеников в разных годах браны в разные Ево Государевы службы, а и ныне ученики такожде взяв Ево Великого Государя жалование и не доучась в разных годах и ныне без ведома начальников отстают, и записываются в разные чины» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 170).

⁴⁶ Бюрократические препоны создавали немало трудностей для Академии даже в повседневных нуждах. Например, осенью 1711 г. Монастырский приказ отказал Академии в поставке дров на основании отсутствия сенатского постановления. Рек-

только к той же самой бюрократии. Дело дошло до того, что сам ректор Феофилакт Лопатинский в начале 1718 г. вынужден был обратиться с доношением в Сенат, чтобы из многих зол выбрать меньшее и зафиксировать подведомственность Академии Монастырскому приказу, пусть и государственному органу, но зато одному, а не нескольким. Тем самым Лопатинский надеялся достичь трех целей: «о посылке Ево Великого Государя указу о защищении тех школ учителей и учеников», «о сыску тех отсталых учеников в Монастырской приказ Ево Великого Государя указ учинить в канцелярии Правительствующего Сената», «о жаловании учителем и учеником дабы не было никакой остановки и во всяких школьных нуждах в Монастырском приказе»⁴⁷. Ответ из Сената последовал неожиданно быстро 15 марта того же года: «Правительствующий Сенат, слушав сего доношения, приказал: вышеписанных школ учителей, также и школьников, которые будут в науке латинского языка росправою и судом кроме разбойных и убийственных дел ведать в Монастырском приказе, и в других приказах не ведать»⁴⁸. У ректора остается достаточно полномочий по управлению Академией, однако он в большей мере подотчетен государственным органам — Сенату, Святейшему Синоду и Монастырскому приказу, преобразованному позже в Коллегию экономии. Итак, митрополит Стефан (Яворский) больше не может выполнять свои функции протектора, и сама Академия с 1718 г. оказывается в ведении Монастырского приказа.

тор вынужден был обратиться в канцелярию Сената: «По указу Великого Государя в прошлых годах давана из Монастырского приказа в Славенолатинские школы дров в зиму по 8 сажень четырех алтынных и на прошлую зиму дано, а на нынешнюю зиму без указу Правительствующего Сената не дают». В ответ: «1711 году декабря в 19 день по указу Великого Государя Правительствующий Сенат слушав сего доношения приказал к даче вышеписанных дров послать указ в Монастырский приказ» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 1), что и было сделано (Там же. Л. 2).

⁴⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 170.

⁴⁸ Там же. Л. 171. И далее: «А которые прежде сего от того учения отстали и записались в разные чины, также которые и вновь будут отставать и тех сыскивать и отсылать в те школы из Монастырского приказу с наказанием; а за прогульные дни данное им жалованья у них вычитать и жалованья тем учителем и учеником, которые учатца по прежнему Великого Государя указом давать без задержания и послать о том указ в Монастырской приказ».

В первой декаде XVIII в. Академия получала на свое содержание в среднем по 2000 рублей в год, к 1713 г. оно составило 3488 рублей, хотя и в предыдущие годы иногда достигало почти 4000 рублей⁴⁹, а в конце второй расходы на ректора, преподавателей и студентов составляли ок. 3500 рублей в год. Так, в 1720 г. из Монастырского приказа было выдано жалование «Славеногреколатинских школ учителем архимандриту Феофилакту, учителю школы греческия Софронию Лихудиеву, учителю школы богословии Гедеону Вишневному, учителю школы риторики Гедеону Грембецкому, казначию Иосафу Туркеевичу, учителю школы пиитики Давиду Скалубе, учителю школы синтаксимы Варфоломею Филевскому, учителю школы грамматики Иосифу Аржаницкому» всего 1650 рублей, а также «ученикам богословии и философии» по 8 денег на день человеку, другим ученикам — по 6 денег на день человеку, всего этих денег на содержание учеников с 1 января по 1 сентября 1720 г. было выдано 1 125 рублей 10 алтын 4 деньги, а с 1 сентября по 1 января 1721 г. — 539 рублей 6 алтын 4 деньги⁵⁰.

Как было отмечено, характерной чертой «доклассических» западноевропейских университетов являлось владение собственностью, приносящей прибыль, как правило, с недвижимости, что было дополнительным выражением академических свобод, финансовой автономией от государства. Поскольку это общее свойство университетов было выяснено исторической наукой только в новейшее время, очевидно, что вопрос о владении Академией вотчинами находился на периферии историографии XIX в. Тем не менее, источники сохранили сведения, указывающие на факты существования вотчин у Заиконоспасского монастыря и пользования доходами от этих вотчин со стороны академического начальства. Еще «Привилегия» царя Федора Иоанновича закрепляла за Заиконоспасским монастырем в качестве вотчин немалое количество недвижимости: Рязанский Иоанно-Богословский монастырь «со всеми к тому монастырю прежними надданием», знаменитое ртищевское наследие — Андреевский монастырь «ради во оном монастыре Российского рода по просвещении свободных мудростей

⁴⁹ Более подробно см.: Смирнов 1855. С. 97.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 15 об.

учения», Московский Даниловский монастырь «ради новоприходящим ученым людям пребывания», Стромьинский Троицкий приписной монастырь, Николаевский Пешношский монастырь, Борисоглебский монастырь, Медведева пустынь «со всеми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всеми угодьями», Чугуевская пасека «со всеми угодьями и землей», дворцовая Вышегородская волость (для выплаты жалования преподавателям) «со всеми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всеми угодьями и с мельницами» и несколько пустошей (Насоново, Кочуково, Насина, Гондурово, малое и большое Немцово)⁵¹; однако, как было показано⁵², сама «Привилегия» в действие не вступила.

Одно из первых сведений о реальных вотчинах сохранилось благодаря земельному спору между такой вотчиной — Покровским монастырем «что на убогих домах» — и Крутицким архиереем. В этом монастыре издавна хоронили «убогих» в общих ямах, сооружая сверху специальные амбары. Гробокопатели вызывались по указанию монастырских властей из Канцелярии земских дел. Эти амбары и назывались «убогими домами», от чего получил наименование и сам монастырь. В 1712 г. землю, на которой была вырыта яма, отмежевали «на Крутицкого архиерея» и засыпали. Ректор архимандрит Феофилакт как настоятель Заиконоспасского монастыря, к которому Покровский монастырь был приписан, обратился в Синод с донесением об этом деле, на что 12 июля вышло постановление «яму с существовавшим над ней амбаром устроить по прежнему», а в Надворный суд из Монастырского приказа послать указ о решении «без волокитства»⁵³. Из этого дела мы узнаем о существовании у Академии вотчины, что является еще одним доказательством ее университетского статуса.

Ректор Лопатинский был инициатором ремонта крайне обветшавшего здания Академии⁵⁴. Еще в 1712 г. он обращался в Сенат, констатируя аварийное состояние помещений: «По указу Великого Госу-

⁵¹ Привилегия Московской Академии // Древняя Российская Вивлиофика. В 20 частях. Ч. 4. М., 1788. С. 403–405.

⁵² См.: Фонкич Б. А. «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 237–297.

⁵³ ОДДС. Т. 1 (1542–1721), 1868. № 380. С. 428.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 124. Л. 11.

даря учат языка славенолатинского в школах каменных, что в Китае у Иконного ряда, и тые школы по переходам стали валиться. И есть немалое опасение, дабы тые школы своим падением учителей и учеников не передавили. Да в тых же школах пол, лавки, скамьи и места учительские перегнили, печи и окончины развалились. Да в монастыре учительном тых же школ учительские деревянные кельи обветшали, стены развалились, углы обгнили, кровли обгнили же, печи и окончины и всякия внутри келейныя строения обветшали, и жить в них невозможно. И о том что Великий Государь укажет»⁵⁵. В ответ 20 августа 1712 г. последовал указ Сената в Монастырский приказ: «В тех школах и в монастыре каменное и деревянное строение починить, а если де его починить невозможно, создать вновь, из доходов Монастырского приказа»⁵⁶. Неизвестно, вызвала ли эта переписка реальное строительство, однако уже в самом начале 1718 г. ректор пишет «доношение просительное от Славенолатинских школ Его Царскому Пресветлому Величеству»: «1. В Славенолатинских училищах школы каменные валяются, и уже часть тех школ с переходами каменными упала, также же и двор школьный без починки и без очищения в запустении. 2. В Спасском училищном монастыре келии по указу в начале уставления школ данныя учителем деревянные весьма обветшали и отнюд в них жить невозможно. 3. В том же монастыре великая скудость в кельях, понеже тая обитель прежде была малая и тому часть келий того монастыря по указу отдана ради учителей; и осталось ради братии токмо четыре келии с двумя сеньми. А есть в том же монастыре вместо стены часть ряда Иконного, в которой стене и окошка на монастырь построены. 4. В прошлом 1715 году велено Вашим Царским указом отдать ризницу тамбовскую в тот же монастырь, но не есть отдана, а отдана архиерею Сербскому Скацдарийскому, обаче еще нечто осталось от тоя ризницы. 5. Просим Вашего Царского Пресветлаго Величества, да повелит Ваше Державство школы и двор школьный починить и очистить. Также же келии учителем построить каменные или деревянные. Часть оную Иконного ряда длиною от Монастырских до школьных во-

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 25.

⁵⁶ Там же. Л. 25–26 об.

рот отдать в предреченный монастырь на келии. Останок от ризницы вышереченныя, ризы, книги и иные вещи отдать»⁵⁷. 11 февраля 1718 г. последовал указ из Сената удовлетворить все прошения Лопатинского, за исключением серебряной посуды из ризницы Тамбовского архиерея, и послать соответствующие указы в Монастырский приказ и Московскую губернию, которые были там получены 27 февраля⁵⁸. До этого, 20 января 1718 г., по ведомости за подписью митрополита Стефана Сенат велел «денежное жалованье к остаточным деньгам к 150 руб. выдать из доходов Монастырского приказу 1500 руб.»⁵⁹. Чуть позже, 31 марта 1718 г., относительно ризницы последовал даже отдельный рескрипт: «Тамбовского архиерея ризницу и сосуды церковные (приписка на полях: серебряные. — *И. Р.*) и все, что в той ризнице есть из Монастырского приказу отдать в Спасской монастырь, что у Иконного ряду, архимандриту Лопатинскому с роспискою, и о том в тот приказ послать указ»⁶⁰, — причем чтобы в Монастырском приказе об этом не забыли. Тем не менее, ремонт не сдвинулся с мертвой точки. Единственное, чего удалось достичь, — это передача части стены Иконного ряда, о чем упоминает в 1732 г. ректор архимандрит Софроний (Мигалевич) в своем письме в Сенат: «В 1718 году по имянному блаженныя и вечнодостойныя памяти Его Императорского Величества Петра Великого указу пожаловано в Спасской Училищной монастырь иконного ряду каменное строение и с лавочными местами от школьных до монастырских ворот под строение келий...»⁶¹. 11 сентября ректор опять обращается в Сенат: «А в Монастырском приказе доселе ничего не сделано, а учителем негде жить, и учеников негде учить, которые ныне по обычаю розпущены на вакации, а по вакациях собирать их невозможно ради вышеозначенной причины»⁶². Это обращение вызвало еще один бюрократический круг: Сенат отправил повторные указы в Монастыр-

⁵⁷ Там же. Л. 11–11 об.

⁵⁸ Там же. Л. 13–14 об.

⁵⁹ *Забелин* 1884. С. 395.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 179.

⁶¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 781. Л. 978.

⁶² Там же. Оп. 9. Кн. 530. Л. 19.

ский приказ⁶³. Но и они не возымели действия, так что 27 октября по просьбе Лопатинского к государю обратился протектор митрополит Стефан: «...того Спасова монастыря архимандрит Феофилакт писа ко мне богомольцу вашему, что школы не починены и кельи не перестроены и донныне...». В ответ 5 ноября Сенат, «слушав вышеписанного доношения, приказал в Монастырский приказ послать... указ велеть о строении в Москве Славенолатинских школ учинить по прежнему Его Великого Государя имянному указу от 12 февраля 1718 году, а зачем по преждепосланным указом не учинено о том, при доношении прислать в канцелярию Сената ведение»⁶⁴ и послал соответствующий указ в Монастырский приказ⁶⁵. Но все усилия были напрасны, ремонт так и не начался. Только через два года Сенат предпринял следующий шаг: последовал указ за подписью графа И. Мусина-Пушкина от 5 сентября 1720 г. к дьякам Монастырского приказа, чтобы из собранной денежной казны в размере 22 746 рублей 27 алтын 3 деньги отослать 20 000 рублей в Петербург «в Рентерею рентмейстеру князю Сонцову Засекину», остальные деньги направить на строительство каменных зданий в Заиконоспасском монастыре⁶⁶. Однако и этот указ не был исполнен. После того как протектор Академии митрополит Стефан фактически был устранен от дел и перемещен в Петербург, а ректор тщетно взывал к чиновникам, она оказалась абсолютно незащитной перед лицом бюрократии. Именно в таком состоянии ведущая российская школа встретила рождение Духовной коллегии.

3. СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКАЯ АКАДЕМИЯ В ВЕДЕНИИ СВ. СИНОДА

С учреждением Святейшего Синода Славяно-греко-латинская академия переходит в его ведение и непосредственное подчинение. 16 февраля 1721 г. последовал царский указ: «Великий Государь Царь и Ве-

⁶³ Там же. Л. 20–23.

⁶⁴ Там же. Л. 25.

⁶⁵ Там же. Л. 26–27.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 5–5 об.

ликий Князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец указал по имянному Своему Великого Государю указу, Печатному двору и школам Славенского и Греколатинского языков, что в Москве, кроме Навигацкой школы, и Друкарне, которая в Санкт-Петербурху, и служителем при том обретающимся быть в ведении в Духовной Коллегии, и о том в Камор и в Штатс кантору и в Духовную Коллегию послать указы»⁶⁷. В тот же день из Сената были посланы указы в «Камор и Штатс Кантор Коллегию», а в Синод — ведение соответствующего содержания⁶⁸. Сенатский указ гласил: «Суд и роправу чинить по Его Великого Государя указу в Правительствующем Духовном Синоде»⁶⁹. Основываясь на этих постановлениях, Святейший Синод тогда же предписал: «Славнолатинские школы и всякое во оных правление ведать в Правительствующем Духовном Синоде; и о всяком оных школ... правлении... тако ж при школах коликое число учителей, и кто имяны и из каких чинов ученики, и в каком кто учении и трактamente, и откуда оный учителя и ученики получают, учиня реэстр, прислать в Правительствующий Духовный Синод»⁷⁰.

Ректор архимандрит Феофилакт уже в мае 1721 г. обращается в Синод за помощью в связи с катастрофическим положением Академии⁷¹. С 1718 г. практически ни одно ходатайство о ее благоустройстве не было удовлетворено. Он вновь поставил на повестку дня необходимость регулярного материального обеспечения Академии: жалование преподавателям и студентам, периодический ремонт ветхих построек, новое строительство (дренажная труба в речку Неглинную), бесперебойное отопление (поставки дров), уборка территории, вопрос академических свобод и неприкосновенности студентов, защищенность от произвола чиновников, контроль посещаемости занятий. Также был поставлен вопрос о предоставлении монастырю вотчин «по пропорции

⁶⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 764. № 16. Л. 286. Указ был неоднократно опубликован, см.: ПСЗРИ. Т. 6. № 3742. С. 358, а также ПСПР. Т. 1 (1721). 1879. № 5. С. 35.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 764. № 16. Л. 287.

⁶⁹ Там же. № 18. Л. 303.

⁷⁰ ПСПР. Т. 1 (1721). 1879. № 5. С. 35.

⁷¹ ОДДС. Т.1 (1542–1721). 1868. Прилож. 30. С. 314–317.

иных монастырей», «без которых в великой скудости пребывает и пребыть не может»⁷². Эта фраза указывает не на отсутствие вотчин у Академии (как было показано выше, Заиконоспасский монастырь имел приписной Покровский монастырь «что на убогих домах» по крайней мере с 1712 г.), а на их недостаточное количество по сравнению с другими монастырями и, как следствие, на недостаточный доход.

Содержание выдавалось из подведомственных Синоду структур — сначала из Монастырского приказа, затем из Камор-конторы, потом из Коллегии экономии.

Оклады учителей и содержание студентов производилось с поддержками. Создается впечатление, что если у чиновников был хотя бы маленький повод не выплачивать содержание, они это делали. На такое положение вещей не раз жаловалось академическое начальство. С 1721 г. стали выдавать жалование по третям, начиная с январской, затем майская и сентябрьская. Но поскольку школьный год совпадал с государственным, то при переходе на выплаты по третям терялась сентябрьская треть 1720 г. 24 мая 1721 г. Синод разбирал этот вопрос и запрашивал Штатс-контор-коллегию, но мнения своего так и не высказал⁷³. Известно распоряжение Монастырского приказа от 27 апреля 1721 г., адресованное «бригадиру и московской губернии вице-губернатору и Московского надворного суда вице-президенту Ивану Лукичу Воейкову» выдать из губернской казны «Спасского монастыря архимандриту Греческия школы учителю Феофилакту Лопатинскому... жалование на 1721 год на генварскую треть по окладу ево 100 рублей да Славенолатинских школ учителям 9 человекам по 50 рублей всего 450 рублей, сторожам двум по 1 рублю 16 копеек»⁷⁴, но осталось неизвестно, было ли оно исполнено.

В 1722 г. школа продолжала терпеть нужду: «1) по указу церковному, последовавшему в январе 1722 года, велено было ставить по улицам фонари со свечами, по размеру, пред всяким двором, в том числе и пред двором школьным и пред Спасским учительным монастырем, —

⁷² Там же. Прилож. 30. С. 317.

⁷³ Там же. № 284. С. 319.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 15.

но таких фонарей взять не откуда, 2) от начала Славянолатинских школ на девять палат школьных всегда давано из Патриаршаго Дворцоваго Приказу с дровяного двора по 16-ти сажен дров, а потом неведомо для чего убавлено было 6 сажен на 1721 год; на 1722 же год в половине января еще и вовсе не было выдано, а ученикам указных для учения часов на морозе в нетопленных комнатах нельзя высидеть, 3) 16 января 1722 года префект Грембецкий подавал Св. Прав. Синода в Контору Типографских Дел доношение о выдаче учителям и ученикам жалования, о дровах, о починке школьных палат, а о достройке келей новых учительских, и силою взятых учениках... учителям весьма нечем питаться; и ученики такожде многие от учения отстают, записываясь в иные школы... и на стужи в нетопленных палатах указных часов не могут высидеть»⁷⁵. На ходатайство ректора о починке кровли «архимандричьих келий» 15 сентября 1724 г. Синод издал соответствующий указ, однако неизвестно, был ли ремонт действительно осуществлен⁷⁶.

Перебои с выплатами отмечаются и в 1724 г. 17 июля последовал указ Святейшего Синода о незамедлительном финансировании Академии среди прочих учреждений, адресованный Монастырскому приказу и Штатс-конторе⁷⁷. А 7 сентября 1724 г. Синод уведомил ректора архимандрита Гедеона о том, что посланы указы в Штатс-контору и в Монастырский приказ, предписывавшие Штатс-конторе ассигновать Монастырский приказ для незамедлительной выдачи жалования учителям и ученикам Академии⁷⁸. В то время жалование выдавалось иногда «сибирскими товарами», т. е. мехами, что вызывало явное недовольство академического начальства. На обращения ректора Синод писал 6 января 1725 г., что на совместной конференции Синода и Сената 23 марта 1724 г. решено выдавать учителям и ученикам на майскую и сентябрьскую 1723 г. трети жалование «деньгами, а не товарами без вычета четвертой части» и распорядился выдавать «на означенную сентябрьскую прошлого 1724 года треть деньгами, а не сибирски-

⁷⁵ ОДДС. Т. 1 (1542–1721). 1868. № 284. С. 320.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 66–66 об.

⁷⁷ Там же. Л. 61–61 об.

⁷⁸ Там же. Л. 65.

ми парчами и впредь давать по окладом вашим неотменно...»⁷⁹. Указ сходного содержания был выпущен Синодом 2 июня 1725 г.⁸⁰, видимо, в связи с нарушениями предыдущих указов.

«Духовный регламент» предусматривал казенное содержание студентов: в случае, если ученики «едини будут люди убогии, и тыи, по милости Царского Величества, препитание и одяние и прочая нужная возиенют»⁸¹. Дети же обеспеченных родителей «должны будут платить за корм и одяние»⁸².

О содержании преподавателей, студентов и служащих можно судить по сохранившемуся обрывку ведомости, которая приблизительно датируется январем-февралем 1723 г.: ученикам и сторожам полагалось на год около 2096 рублей, всем же вместе с учителями — чуть больше 4026 рублей. Эта ведомость содержит данные о количестве учеников в разных классах: риторики — 29 человек, пиитики — 26 человек, синтаксимы — 36 человек, грамматики — 74 человека, инфимы — 20 человек, фары — 35 человек⁸³.

В конце 1725 г. в связи с интересным инцидентом была установлена процедура выплаты содержания преподавателям и студентам из Камор-конторы: «Архимандриту Гедеону да префекту иеромонаху Платону... ради лучшаго порядку в школах и прекращению излишних волокит приказных определить такую персону, от которой бы поданным за рукою учителем и ученикам к выдаче жалованья росписям, та Камор кантора могла верить и оное б жалование производила без волокиты велено вышеобъявленным Славенолатинских школ учителем Тарасию Постникову, Ивану Каргопольскому, Ивану Смилевскому, Петру Крайскому, освидетельствовав, кем надлежит, подлинно ежели они показанное во оном вашем доношении время во учении школьном превождали, на вышеозначенные прошлого 1724 года сентябрьскую..., а сего 1725 году генварскую по росчету трети заслуженное ими учительское жалование из вышеупомянутой синодального правительства

⁷⁹ Там же. Л. 83.

⁸⁰ Там же. Л. 91–95 об. (содержатся копии указов).

⁸¹ Духовный регламент. М., 1897. С. 63.

⁸² Там же.

⁸³ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 40.

Камор канторы выдать всем на лицо, записав в расход по обыкновению с росписками, о которой выдаче в ревизион и в Штатс канторы в подаваемых репортах написать имянно без упущения, а впредь тех Славенолатинских школ вам ректору, префекту, учителем и ученикам из той Камор канторы дачу жалования по получаемым реестрам производить, а имянно от ректора до учеников за подписанием руки Святейшего Правительствующего Синода советника школ и типографии протектора Троице Сергиева монастыря архимандрита Гавриила а ученикам за рукою твоею ректорскою не требуя особливых указов по прежнему обыкновению неотложно...»⁸⁴. Таким образом, список учителей при выдаче содержания должен был визировать протектор Академии, а список студентов — ректор. Согласно этой схеме 20 июня 1726 г. протектор архимандрит Гавриил (Бужинский) отправляет в Каморконтору синодальный указ «о выдаче ректору и учителям Академии жалования за январскую треть 1726 года по реестру»⁸⁵. В тот же день ректор получил синодальный указ, согласно которому выплату жалования ректору и преподавателям «производить по присылаемым из Святейшего Правительствующего Синода в ту Камор кантору имянным реестрам за подписаниями членскими или синодальными обер секретаря секретарями, а ученикам по прежнему за рукою твоею ректорскою»⁸⁶. 13 июля 1726 г. жалование было выплачено согласно указу из Каморконторы: «По присланной из Штатс канторы ассигнации Ея Императорского Величества денежного жалования по расписанию и за вычетом лазаретных денег на прошедшую генварскую сего 1726 года треть выдать вам ректору 99 рублей, префекту да учителям философическому Герману Копцевичу, риторическому Софронию Мигалевичу, пиитическому Парфению Яновичу, синтаксическому Исакию Хмарнову, грамматическому Паисию Тынсовскому, инфимическому Серапиону Илевичу, фарическому Тарасу Постникову, елино-греческия Алексею Барсову по 49 рублей 50 копеек человеку 445 рублей 50 копеек, славено-российских школ учителю и учеником и сторожам 1077 рублей

⁸⁴ Там же. Л. 104–105.

⁸⁵ Там же. Л. 147–147 об.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 151.

44 копейки 1 деньга, записав в расход тебе ректору с роспискою. И о роздаче учителем и учеником онаго их жалования послать к вам указ, по которому те деньги роздавать по силе адмиралтейского регламента все на лицо с росписками, а коликое число роздано будет и за тем, что в остатке, о том по роздаче объявить при доношении и репортовать немедленно, а в расход тех остаточных денег не держать»⁸⁷. Лазаретные деньги (формировались по принципу: с каждого рубля жалования по копейке), упоминающиеся в указе, отправлялись в «Московскую гофшпиталь», где проходили лечение преподаватели и студенты, и являлись своего рода медицинской страховкой для преподавательской корпорации и студенчества. Практика «лазаретных денег» утвердилась на несколько десятилетий. На постоянной основе медицинское обслуживание проходили и преподаватели, и студенты. В разное время в «московскую гофшпиталь» на лечение были отправлены: 19 мая 1727 г. учитель Иван Папин⁸⁸, 16 декабря 1727 г. ученик Василий Смирнов⁸⁹, 5 августа 1728 г. ученик Гребешиков⁹⁰, 11 октября 1737 г. ученик Игрунович⁹¹, 18 ноября 1738 г. школьник Семион Алексеев⁹², 15 января 1740 г. ученик Василий Хлопков⁹³.

Одной из причин задержек в выплате содержания СГЛА является неразбериха с управлением церковным имуществом после смерти Петра I. 12 июля 1726 г. Екатерина I делит святейший Синод на два «департамента» (Московский и Петербургский) и упраздняет титул «Правительствующий»⁹⁴. Двоевластие привело к путанице полномочий, и, в конце концов, «Московский департамент» стал именоваться Коллегией экономии синодального правления⁹⁵. Официальный указ последовал 26 сентября 1726 г., а 23 марта 1727 г. Духовная дика-

⁸⁷ Там же. Л. 152–152 об.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 1. № 34. Л. 1.

⁸⁹ Там же. № 123. Л. 1.

⁹⁰ Там же. № 200. Л. 1.

⁹¹ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 1. № 1248. Л. 1–2.

⁹² Там же. № 1363. Л. 1.

⁹³ Там же. № 3744. Л. 1.

⁹⁴ ПСЗРИ. Т. 7. № 4919. С. 673–674.

⁹⁵ Там же. № 4959. С. 697–698.

стерия уведомила ректора, что 13 марта был получен из Петербурга синодальный указ, где было написано, что 7 февраля 1727 г. в присланном из Верховного тайного совета в Святейший Правительствующий Синод указе предписывалось с 30 января 1727 г. монастырские и епархиальные доходы, которые раньше собирались в Монастырский приказ, а сейчас — в Камор-контору, собирать в Коллегию синодальной экономии. В связи с этим Синод отправляет в Москву двух своих чиновников, Кирилла Чичерина и Алексея Владыкина, которые производят инспекцию отчетности и ревизию вотчин монастырей синодальной области⁹⁶. На преодоление административного кризиса ушло время, к тому же с началом царствования Петра II Синод подумывал об упразднении Коллегии экономии и Камор-конторы, а также Духовной дикастерии и Московской синодальной конторы и о восстановлении вместо них Патриаршего разряда и Духовного приказа в ведении епископа Крутицкого, соответственно. Однако, как реформа Екатерины I, так и реакция на нее не получили завершения⁹⁷. В скором времени в попытке преодоления путаницы был представлен проект разграничения полномочий Синода и Коллегии экономии, где, в частности, значился пункт, согласно которому «содержание латинской, греческой и славянской школ в Московском Заиконоспасском монастыре учеников и учителей денежным и хлебным жалованием, также строение и починка в том монастыре» находились в ведении Коллегии экономии⁹⁸. Однако этот проект так и не получил законодательного утверждения в виде указа, и, хотя Коллегия экономии постепенно приобрела все хозяйственные и финансовые полномочия по управлению церковными именьями, неопределенность ее статуса создала почву для ее фактического подчинения Синоду, который рассматривал ее как преемницу Монастырского приказа и Камор-конторы⁹⁹. 14 декабря 1726 г. Синод требовал от Коллегии экономии решить, из какого ведомства выплачивать содержание школ¹⁰⁰. Сама Камор-контора продолжала суще-

⁹⁶ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 176–177 об.

⁹⁷ *Верховский* 1999. С. 29–30.

⁹⁸ Там же. С. 33.

⁹⁹ Там же. С. 36.

¹⁰⁰ Там же. С. 37–38.

ствовать и официально так и не была расформирована, но сначала она фактически оказалась в ведении Коллегии экономии, которая потом постепенно перехватила ее функции. Когда это произошло, Академия стала получать содержание именно из Коллегии экономии¹⁰¹, которая, вбирая все больше полномочий, стремилась к независимости от Синода. На это потребовалось больше десяти лет, и 15 апреля 1738 г. вышел именной указ императрицы Анны Иоанновны, согласно которому Коллегия экономии переводилась в полное ведение Сената¹⁰². После этого возник парадокс: Академия находилась в ведении Синода, но содержание получала из подведомственной Сенату Коллегии экономии. Это продолжалось до 15 июля 1744 г.

Жалование за майскую треть 1726 г. было выдано из Камор-конторы 14 октября 1726 г. по специальному указу. Ректору предписывалось раздать деньги 9 учителям по 49 рублей 50 копеек, всего 445 рублей 50 копеек, а префекту иеромонаху Платону (Малиновскому), учителю славяно-российской школы, а также ученикам и сторожам — всего 847 рублей 18 алтын 2 деньги. «Прогульные деньги» следовало собрать и отчитаться перед Камор-конторой «и без указа оттуда не расходовать»¹⁰³. По аналогичной процедуре содержание за январскую треть 1727 года было выдано 7 июля 1727 года «из Коллегии экономических дел по присланной ассигнации из Камор канторы» «за вычетом лекарских денег ректору 99 рублей и на роздачу 9 учителям по 49 рублей 16 алтын 4 деньги всего 445 рублей 16 алтын 4 деньги и для роздачи ученикам префекту Платону Малиновскому 1167 рублей 18 алтын 3 деньги», всего 1712 рублей 1 алтын 5 денег, причем «прогульные деньги» также подлежали учету¹⁰⁴. В связи с задержкой выплаты жалования за майскую треть 1727 г. ректор обратился в Синод, прося утвердить приложенный реестр. В ответ 17 октября 1727 г. Синод постановил «реестр свидетельствовать преосвященному Леониду, архиепископу Сарскому и Подонскому, и впредь по третям года, свиде-

¹⁰¹ Примерно с середины 1727 г.

¹⁰² ПСЗРИ. Т. 10. № 7558. С. 458.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 165–165 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 195–195 об.

тельствуя всех на лицо, крепить его преосвященству, и для того онѣй реестр послан его преосвященству»¹⁰⁵ как управляющему Московской синодальной областью. 27 ноября Коллегия экономических дел писала ректору о задержке жалования из-за свидетельствования архиепископа Леонида¹⁰⁶, однако уже 28 ноября содержание было выплачено в объеме предыдущей трети¹⁰⁷. Оклады за сентябрьскую треть 1727 г. были выданы из Коллегии экономии только в начале 1728 г.¹⁰⁸.

Со временем Академия стала выпускать достаточно специалистов, чтобы покрыть и свои кадровые нужды. Однако на просьбы ректора архимандрита Гедеоны (Вишневого) о возможном расширении штата Синод 31 августа 1726 г. отвечал: «А по присланному твоему доношению велено в Славенолатинских Московских школах учителем быть по прежнему полному комплекту осьми человеком, а более не прибавлять, того ради что дачу жалования производить тем прибавочным не из чего...»¹⁰⁹.

В связи со встречей в Москве при Триумфальных воротах императора Петра II Коллегия экономии прислала указ по поданному от префекта иеромонаха Софрония (Мигалевича) реестру о покупке новых и о починке старых одеяний (уборов) для 40 студентов и об обучении их музыке¹¹⁰.

Характерной чертой западноевропейских университетов являются различные налоговые и финансовые льготы, предоставляемые государственной властью учителям, студентам или самому учебному заведению. Намек на существование практики освобождения учеников Академии от подушного оклада содержится в ведении Сената от 24 мая 1732 г.: «В 1723 году сентября 2 дня, поповских и причетнических детей, которые в подушной оклад будут не включены и к школьному учению по местам их потребны, набирать в школы всех тех, которые

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 211–211 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 212.

¹⁰⁷ Там же. Л. 213–214.

¹⁰⁸ Там же. Л. 220.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 157.

¹¹⁰ Там же. Л. 217–217 об.

учиться могут»¹¹¹. Речь идет о том, чтобы уже освобожденных от налога детей духовенства по возможности зачислять в школы. Необходимость их исключения из подушного оклада, как и освобождение от «сборов на полки», осознавалась в связи с более чем скромными доходами и особым статусом священнослужителя, и Синод доносил об этом и в Сенат¹¹², и государю¹¹³, но однозначного решения не было принято.

Известен случай освобождения от подушного оклада студента «богословии» Ивана Левяцкого, сына священника церкви Адриана и Наталии, «что в Мещанском». Как он писал в Синод, его отец «для обучения в надежду священства отдал ево в Московскую Славеногреколатинскую академию, в которой будучи обучился он философии, а ныне обучается богословии на казенном Ея Императорского Величества коште, котораго ныне получает на корм по 4 копейки на день, а вышеозначенный отец ево, за которым он написан в подушный оклад, не току подушных за него денег платить не в состоянии, но и домашних своих за совершенную старостию в содержании пропитанием и одеждою находится ныне с недостатком, чего ради и с получаемого жалованья, из котораго едва имеет повсядневное себе ж пропитание с школьным обрядом, принужден и подушныя по третям года деньги и в рекрутския наборы с немалою тягостию и повлачением платить без доимки»¹¹⁴. В специальном ведении из Синода в Сенат указывалось, что Левяцкий «просил, дабы высочайшим Ея Императорского Величества указом повелено было ево Ивана яко по указом Ея Императорского Величества свободного и в надежду священства обучающагося из подушнаго окладу выключить, дабы ему от платежа подушных и рекрутских сборов денег напраснаго отягощения и от Московской Славеногреколатинской Академии от обучения повлачения быть не имело»¹¹⁵. Синод в

¹¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 781. № 14. Л. 626.

¹¹² ОДДС. Т. 1 (1542–1721). 1868. № 23. С. 231–234.

¹¹³ Например: «Высочайшие резолюции на докладные пункты Святейшего Синода» от 19 ноября 1721 г., резолюция на п. 6 (См. ПСПР. Т. 1 (1721). 1879. № 312. С. 365): «Довольно поговорить и на пример несколько экспемлев (т. е. экземпляров. — И. Р.) учинить к слушанию».

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 798. № 1652. Л. 1300 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 1300 об.—1301.

связи с этим делом постановил об «оном студенте Левицком, дабы он по силе имянного блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Петра Великаго 1722 года апреля 4 дня указа и состоявшихся в том же 1722 году июня 12 Правительствующего Сената да августа 10 числа Святейшего Правительствующего Синода определением, по которым таковых действительно служащих отцев детей в подушной оклад класть не велено, ктому ж оной Левицкой по силе именных же Императорского Величества указов обучается в Московской Славеногреколатинской Академии в государственную пользу уже школы богословии, и чтоб ему от онаго обучения для платежа подушных денег повлечения не было из подушнаго окладу был выключен»¹¹⁶. Характерно, что освобождение от налогового бремени ставится в прямую зависимость от студенческого статуса Левицкого. Известен также случай обращения по аналогичному поводу в Синод в 1727 г. студента Сергея Никитина, который просил исключить его из подушного оклада в связи с обучением в Академии, однако решения по его вопросу в деле не содержится¹¹⁷. Летом 1727 г. в связи с цитированным выше указом Петра I о зачислении детей церковнослужителей в Академию, не записанных в подушный оклад, даже и неволей, сын диакона Алексея Иванова церкви великомученицы Екатерины на Всполье Иаков просит зачислить его в Академию и не писать в подушный оклад, и Синод удовлетворяет его прошение¹¹⁸. Эти прецеденты могут быть приведены в доказательство того, что Академия, подобно западноевропейским университетам, имела налоговые льготы. Кроме того, дело Ивана Левицкого, хранящееся в сенатском архиве, содержит в качестве справок копии указов Петра I, определяющих порядок учета и налогообложения духовенства. Согласно одному из них от 4 апреля 1722 г., «протопопов, попов и дьяконов тех, которые ныне у церквей действительно служат, самих их, детей при переписи в подушной оклад не класть для того, что им быть при тех церквах во дьячках и в понамарях и из них же учить в школе и производить на убылые места в попы и во дьяконы»¹¹⁹.

¹¹⁶ Там же. Л. 1301–1301 об.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 185.

¹¹⁸ Там же. Л. 194–194 об.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 798. № 1652. Л. 1302.

Позже возникает прослойка так называемых «закомплектных учеников», т. е. внештатных. Это произошло в связи с указом Анны Иоанновны от 23 мая 1736 г., когда было «велено офицерским дворянским салдацким казачьим пушкарским и подъяческим и протчих служилых людей детям явитца в Москве в Сенатской канторе и из оной годных определять в службу, малолетних записывать в школы и обучать грамоте и протчим наукам, кто к чему охоту возымеет, также и воинской экспедиции и которые из дворянских детей своего собственного пропитания не имеет, таким при школах давать жалование против того как салдацким детям определено»¹²⁰. Таких «изявшихся в той Канторе недорослей прислано в Коллегию Экономии для отсылки во учение в Московскую Славеногреколатинскую Академию семьсот сорок два человека, в том числе неимущих своего собственного пропитания четырехста шестьдесят три человека, а по состоявшимся Ея Императорского Величества указом прошлых 1732 марта 6 и 1736 годов мая 6 чисел велено во всех губерниях и провинциях таким бывшим в школах закомплектным недорослям, которые своего пропитания не имеют, давать муки по одному четверику, да денег по тридцати копеек на месяц человеку из неположенных в штат доходов»¹²¹. Таким образом, «закомплектные недоросли», зачисленные в Академию, — это дети не только малосостоятельных дворян, но и прочих «служилых людей», причем они противопоставлялись, как кажется, «казенкоштным», т. е. штатным ученикам Академии, которые к тому времени набирались почти только из духовного сословия. Коллегия экономии, ставшая независимой от Синода и перешедшая в то время в ведомство Сената, отказалась выплачивать содержание «закомплектных» учеников, несмотря на просьбы академического начальства¹²².

Вопрос «откуда брать деньги» решался несколько лет, пока, наконец, Сенат 29 февраля 1740 г. не велел «в Штатс кантору послать указ велеть означенным ученикам для их крайней скудости на оной 1739 год заслуженное жалованье против прежних дач, что надлежит, выдать из

¹²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 791. № 11. Л. 275.

¹²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 791. № 11. Л. 275 об.

¹²² Там же. Л. 277–277 об.

тех же доходов, из которых прежде давано было», однако «впредь им жалованье производить ли и из каких доходов, о том сообщить еще в Правительствующий Сенат вторичное ведение и требовать как на прежде сообщенное, так и на сие ведение общаго их Правительствующего Сената определения»¹²³. Ситуация вернулась в нормальное русло только после упразднения Коллегии экономии, возвращения финансовых полномочий Синоду и определения конкретного содержания Московской академии.

В первой половине XVIII в. Академия, наряду с приписным Покровским монастырем «что на убогих домах», имела другие вотчины и, соответственно, доходы от них. К Заиконоспасскому монастырю была приписана церковь Владимирской иконы Божией Матери. На это указывает синодальное распоряжение, направленное ректору архимандриту Гедеону (Вишневному) в ответ на его донесение о инспектировании приписной к монастырю церкви Владимирской иконы Божией Матери в бытность там иеродиакона, а потом архимандрита Севского Варлаама. Этим распоряжением от 20 августа 1722 г. назначался для расследования инквизитор, которым стал один из канцеляристов Святейшего Синода¹²⁴. Владимирская церковь упоминается и в указе московской канторы Синода «об определении из числа обретающихся при Камор канторе отставных солдат для охраны Владимирской церкви, что у Никольских ворот»¹²⁵, о чем был уведомлен ректор. Покровский монастырь, «что на убогих домах», как подчиненный академическому начальству также упоминается в специальном циркуляре от 22 декабря 1722 г. «о благовесте и звоне без излишеств» с угрозой в противном случае накладывания штрафов по усмотрению Духовной дикастерии: «...и Спасского монастыря архимандриту Гедеону о исполнении вышеписанного о благовесте и о звоне у себя в Спасском и в Покровском, что на убогих домах, монастырех чинить по сему Его Императорского Величества указу неотменно»¹²⁶.

¹²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 791. № 11. Л. 285.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 35.

¹²⁵ Там же. Л. 182—182 об.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 791. № 11. № 1. Л. 37—38.

В качестве приносящей доход недвижимости Заиконоспасский монастырь имел «обретающиеся подле того монастыря каменные лавки» и «Серпуховской Владычен монастырь с вотчинами». 6 октября 1724 г. Святейший Синод и Монастырский приказ, «рассуждая о постройках и починках обретающегося в Москве Спасского Училищного монастыря», констатировали, что «колико с тех лавок и вотчин каких доходов в тот Спасский монастырь бывает и куда употребляются, того неизвестно», и «согласно приговорили... дать обстоятельное известие о доходах и расходах»¹²⁷. Как свидетельствуют источники, эти каменные лавки, расположенные в Иконном ряду от монастырских до школьных ворот, согласно сенатскому указу от 19 февраля 1718 г., «за приписанием тайного советника господина графа Мусина Пушкина повелено отдать» Заиконоспасскому монастырю¹²⁸. Однако соответствующей жалованной грамоты не было выдано до 1728 г., и в связи с тем, что лавки подлежали налогообложению, монастырь постоянно испытывал неудобства. Ректор архимандрит Феофилакт (Лопатинский) 5 августа 1720 г. обращался в Сенат, «чтоб на помянутый ряд для вечного владения и утверждения в оном монастыре повелено дать жалованную грамоту и оброчные в чине платежи, по окладом их збираемые в ратушу со оных лавок и с доимки, выложить, и о том бы в Московскую губернию и куда надлежит послать указы», на что из Сената 27 апреля 1721 г. в Камор-коллегию последовал указ «о даче жалованной грамоты на помянутые Иконного ряду лавки и о снятии с них оброчных и доимочных денег»¹²⁹. Однако на этот указ, как и на указы Святейшего Синода и повторный Сената в 1722 г., ответа из Камор-коллегии не последовало, так что Синод 16 августа 1725 г. грозил, что «в Правительствующий Сенат с требованием на ту коллегию надлежащая сатисфакции сообщено будет ведение»¹³⁰. Камор-коллегия оправдывалась, что в ее архиве нет сенатского указа 1718 г., а запросила 15 сентября 1725 г. свое московское отделение относительно этого указа¹³¹. Наконец, в 1728 г. жалованная

¹²⁷ Там же. № 1. Л. 64.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 100.

¹²⁹ Там же. Л. 100—100 об.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 100 об.

¹³¹ Там же. Л. 100—100 об.

грамота была выдана, однако, по сообщению ректора архимандрита Софрония (Мигалевича), «с тех лавок с <1>718 году оброчные деньги из Московской ратуши по <1>731 год с... монастыря требуютца, и таких де оброчных денег оному же монастырю платить нечем», в связи с чем ректор обращался в Сенат, «чтоб повелено было с того 1718 году по <1>731 год оную доимку с их монастыря сложить»¹³². Сенат издал удовлетворяющий донесение ректора указ¹³³, однако постановил «для рассмотрения и решения при указе отослать в Московскую губернию, а ежели той губернии затем решения учинить будет невозможно, и о том подать в Сенат доношение со мнением...»¹³⁴. По источникам не удалось установить, чем разрешилась эта бюрократическая волокита, длившаяся, как минимум, 14 лет. Тем не менее, источники фиксируют факт наличия у Академии недвижимости и, соответственно, некоторого дохода от нее. А это — характерная черта «доклассических» европейских университетов.

В связи с довольно частыми побегами студентов в Академии образовалась определенная статья «доходов». По указу Петра ученики нижних школ получали содержание по алтыну на день, философии и богословии — по 4 копейки на день. В связи с побегами образовывались так называемые «прогульные деньги», которые запрещено было расходовать под страхом штрафа и предписывалось возвращать в Камор-контору. Ректор просил эти деньги удерживать (так, за январскую и майскую трети 1724 г. осталось 49 рублей 5 алтын 2 деньги) и использовать на повседневные нужды и ремонт. Синод отдельным указом от 25 мая 1725 г. разрешил удерживать средства и не возвращать их (т. к. это ученические деньги), но предписал записывать их в приходную книгу, а расходовать на монастырские строения только после разрешения из Камор-конторы¹³⁵. Этот указ был повторен 23 июля 1725 г.¹³⁶. Вскоре эта схема заработала, однако чиновники зорко следили за образовавшимися свободными деньгами. 21 декабря 1725 г.

¹³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 781. № 66. Л. 978–979.

¹³³ Там же. Л. 976.

¹³⁴ Там же. Л. 977.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 90–90 об.

¹³⁶ Там же. Л. 96–97.

из Камор-конторы, находившейся в ведении Синода, пришел указ «по поданным за рукою префекта Платона Малиновского роздаточным о даче школьным ученикам жалованья росписям, по которым показано о той дачи остаточных и за прогульные дни у тех учеников вычетных от 1724 года да от генварской сего 1725 году трети 418 рублей 1 алтын 1 деньга, которые показаны по оным же росписям в расход на всякое монастырское строение и починки и требовано о зачете тех денег на оное строение решения велено оные остаточные и прогульные деньги на оное строение зачесть и о том к тебе послать указ, в котором написать, чтоб ты впредь оных остаточных денег ни на какие расходы без указа из Камор канторы не держал...»¹³⁷. По донесению ректора Камор-контора 2 октября 1726 г. разрешила ремонт за счет «прогульных денег»: по «доношению о покрывке над учительскими крышами кровли гонтом»¹³⁸ также о постройке вновь и починке во оных учительских келиях печей из оставших от роздачи школьником денежного жалования остаточных прогульных денег от прошлого 1725 году, а сего 1726 году от генварской трети 69 рублей 30 алтын $\frac{1}{4}$ деньга велено оные оставшиеся деньги на оное строение и починки держать вам по настоящей цене без излишества, а что построено и починено будет, о том в Камор кантору репортовать и о том послать к вам указ, о чем сей и посылается»¹³⁹. Также по донесению ректора 11 января 1727 г. Коллегия экономии синодального правления разрешила «против школьного двора крашенные столбы на них слюденые или стеклянные фонари и в них свечи купить на остаточные, которые ученики, от майской трети прошлого 1726 года не получа жалование, оставали»¹⁴⁰.

Так или иначе, но доходы с собственности были достаточно значительными. Об этом свидетельствует происшествие с приходно-расходными книгами приписного Серпуховского монастыря. После выявления некоторых нарушений в отчетности Синод 24 февраля 1726 г. определил конкретную процедуру по контролю за «денежными и хлеб-

¹³⁷ Там же. Л. 107.

¹³⁸ Гонт — деревянный кровельный материал.

¹³⁹ Там же. Л. 166.

¹⁴⁰ Там же. Л. 170.

ными расходами», целью которой было «...без упущения из тех денег и хлеба обретающихся в том вашем монастыре Славенолатинских школ учителей содержать в каком возможно довольстве без оскудения...»¹⁴¹. С учетом постоянного давления на Академию последний пассаж можно расценить как попытку быть заботливым и щедрым за чужой счет. 9 марта 1726 года на запрос ректора о ремонте Камор-кантора прислала указ: «Велено во оном монастыре учительских келий на переходах решетки железныя сделать понадлежащему и школьныя и учительския нужники очистить из показанных оными ж доношениями от роздачи ученических кормовых от майской трети 1725 году остаточных денег 52 рублей 82 копейка 1 и 1/2 деньга, а колико тех денег и на что порознь издержано, и затем в остатке будет, о том в Камор кантору репортовать без замедления обстоятельно; а школьные переходы из Камор канторы осмотреть и описать и учинить знающими людьми смету, колико како материалов надлежит быть в поставке и мастеровых людей за работу, и для того во оной монастырь послать нарочного по инструкции, чего ради и послан, а что в прошлом 1723 году по твоему ж архимандричью прошению отдано тебе от церкви Владимирския Богородицы привесов по цене на 533 рубля 53 деньга для починки при означенном монастыре Иконного ряду, из которых повелено тебе как на продажу, так и оную починку чинить со усмотрением при инквизиторе, и на сколько тех привесов продано и того строения и починки учинено будет, о том тебе объявит доношением, о чем к вам в том же 1723 году мая в 21 день да в 1724 году октября в 27 числе указы из Камор канторы посланы, и по тем указом и по ныне того не исполнено и ни о чем не репортовано, того ради оное требуемое известие прислать в Камор кантору немедленно и о том к вам послать указ, о чем сей и посылается»¹⁴². Через год, 29 мая 1727 г., на запрос ректора архимандрита Гедеона (Вишневого) о ремонте Коллегия экономических дел предписала «учинить, согласно поданному прошению о строении на оставшие и прогульные деньга за майскую и сентябрьскую трети 1726 года 94 рубля 10 алтын 1 деньга, кровель на кельях учительских и канала из погребов, но учинить без

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 115–116.

¹⁴² РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 120–120 об.

излишества с запискою, впредь прислать ведомость с учениками и их прогульными днями»¹⁴³. Действительно, приходилось отчитываться за каждую копейку, но теперь хозяйство Академии развивалось. 28 июня 1727 г. Коллегия экономических дел доносила в Полицмейстерскую контору о своем намерении за свой счет вымостить мост напротив школьного двора Заиконоспасского монастыря¹⁴⁴.

Государственная машина, целенаправленно стремившаяся к упразднению любых форм автономии, не могла содействовать и автономии первого русского университета. Так, 14 февраля 1726 г. был выпущен циркуляр, предписывавший передачу доходов с монастырских и архиерейских вотчин московской губернии на содержание лейб-гвардии полков¹⁴⁵, хотя неизвестно, насколько он коснулся Академии.

Серьезным испытанием для Академии стала потеря приписного Серпуховского монастыря. Проверка, инициированная его прежними хозяевами, выявила нарушения, и Синод 23 января 1727 г. упразднил зависимость от Спасского монастыря, велел поставить во Владычный монастырь отдельного игумена и передать ему в управление всю собственность. «...по Ея Императорского Величества указу и по согласному Святейшего Правительствующего Синода приговору велено оный Владычен монастырь от Спасского Училищного монастыря из приписки отрешить и быть ему так, как и протчие обители, которые не в приписке имеются собственно по прежнему и определить в него для церковного благолепия и всякого в нем над вотчинными крестьяны смотрения игумена человека, к тому званию достойного и искусного по рассмотрению Духовной Дикастерии, и взятых во оной Спасский Училищный монастырь из того Владычня монастыря монахов и светских служителей отпустить и протчее все, что было ни взято, отдать в тот Владычен монастырь без всякого удержания по прежнему, для того в присланных для сочинения генерального штата ведомостях показано в том Владычне монастыре церковное и протчее строение каменное и деревянное... и крестьян 195 дворов в них по нынешней от генералите-

¹⁴³ Там же. Л. 130.

¹⁴⁴ Там же. Л. 191–191 об.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 113–114 об.

та переписке мужеска полу 1322 души, денежных доходов 58 рублей, пашни 70 десятин, на которой в посевах бывает ржи и яроваго по 365 четвертей санных покосов имеется 900 копен, столовых припасов собирается немало, а монахов и светских 39, в том числе монахов 20 человек, а понеже духовным регламентом определено в монастырях содержать не менее 30 братии, а во оном Владычнем монастыре толикое число тридцать человек братства по вышеозначенным доходам содержать можно и по посвящении в том Владычнем монастыре игумена велеть как тот монастырь так и прочее все, что в нем ныне обретается, вотчины со всякими заводами и с принадлежностями к ним, отдать тому игумену с обычной описью, с роспискою и Спасского Училищного монастыря архимандриту Гедеону с братией о вышеписанном ведать, и учинить по сему Ея Императорского Величества указу»¹⁴⁶. Игуменом Владычня монастыря был поставлен некто Лаврентий, по запросу которого Духовная дикастерия 31 августа 1727 г. предписала ректору вернуть имущество того монастыря согласно приложенной ведомости¹⁴⁷.

Для отопления помещений Академия нуждалась в регулярных поставках дров. С конца 30-х гг. дрова поступали из Коллегии экономии, а после ее упразднения — из Коллегии (канцелярии) синодального экономического правления. Поставка осуществлялась после письменного запроса префекта в эти учреждения. Известно, что по такой схеме дрова выдавались согласно донесениям от 11 декабря 1739 г.¹⁴⁸, 16 февраля 1741 г.¹⁴⁹, 16 октября 1741 г.¹⁵⁰.

После коронации императрицы Елизаветы Петровны, которая произошла 28 апреля 1742 г. в Москве, Святейшему Синоду было предложено провести в жизнь некоторые административные реформы. Однако, несмотря на учреждение Московской епархии и активную деятельность московских преосвященных, подведомственность Академии непосредственно Синоду сохранялась. Реальные полномочия ректора были чрезвычайно узки, невзирая на все привилегии; именно Синод

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 171–172 об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 196–197.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 1. № 3567. Л. 1–6.

¹⁴⁹ Там же. № 5042. Л. 1–3.

¹⁵⁰ Там же. № 5284. Л. 1–5.

осуществлял административное и финансовое управление, о чем свидетельствуют разбираемые факты. В этом заключается парадоксальность академического статуса: Академия непосредственно подчинялась высшему церковному органу, а потому и была независима от прочих структур, однако сама по себе без разрешения Синода мало что решала.

С ведома Синода 2 мая 1744 г. Сенат постановил «определенному к ревизии в Московской губернии генералу-лейтенанту Хрущову в упомянутой Академии находящихся учеников как священно и церковнослужительских, так и другие всякого чина людей детей токмо переписать для ведома о том с показанием лет и сколько их из каких чинов, а к положению в подушной уклад никуда не писать, и в службу не брать, а прислать об них в Сенат особливые ведомости»¹⁵¹. Как видно, речь идет не только об учете, но и о налоговых льготах, что является еще одним свидетельством университетского статуса Академии.

Пожар в мае 1737 г., опустошивший Кремль и его окрестности, причинил немалый вред Академии и Заиконоспасскому монастырю. Церковь, кельи ректора и учителей, библиотека, часть школьных помещений выгорели. Незначительный косметический ремонт, проведенный во время летних каникул, не мог исправить положения, так что ректор архимандрит Митрофан (Слотвинский) даже ставил перед Синодом вопрос о переводе Академии в Донской монастырь. Завязалась переписка, приведшая к витку бюрократической волокиты, но ремонт так и не начинался. Только после 1747 г., когда уже вышел Высочайший указ о переводе Академии, выяснилось, что в Донском монастыре необходимо возводить дополнительные постройки стоимостью по смете архитектора И. Мичурина 52 125 рублей. В связи со значительностью суммы деньги Академии было решено не переводить, а провести капитальный ремонт зданий Заиконоспасского монастыря¹⁵². Тем не менее, еще в 1742 г. были выделены деньги на возобновление монастырской церкви, которая была освящена в присутствии императрицы Елизаветы Петровны, приехавшей в Москву

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 332. Л. 173–174.

¹⁵² Более подробно история пожара и последующего ремонта изложена С. Смирновым: *Смирнов 1855*. С. 89–95.

на свою коронацию. К визиту было решено устроить по петровской традиции Триумфальные ворота, а синодальный член преосвященный Амвросий архиепископ Великоновгородский и Великолукский предложил участие в церемонии 40 человек студентов Академии, которые должны были исполнить приличествующий гимн. Об этом ректора уведомила указом Московская синодального правления канцелярия: «К вшествию де Ея Императорскаго Величества должно быть из Московской Славеногреколатинской академии студентов несколько человек, убранных в пристойное одеяние и вам ректору и архимандриту для пения оным сочинить приличную песнь и ради того потребно с вами архимандритом от той Канцелярии справится, куда, какое и насколько человек платье и протчее убрание пред сего в такая случаи делано было, а между тем о сочинении помянутой песни и о избрании студентов и о надлежащем в пении обучении вам архимандриту и ректору приказать, а справку в Синодальную канцелярию от вас архимандрита и ректора объявлено для пения пристойной песни должно быть сороку человек, а какому одеянию быть, оное показано имянно: о том все делано прежде было из Коллегии Экономии»¹⁵³. В Коллегию экономии был послан указ после приготовления всего необходимого «отдать [одежду] во оную Академию кому надлежит с роспиской»¹⁵⁴. Традиция, по которой студенты встречали вступающего на российский престол монарха и участвовали в коронации, была сохранена и при Екатерине II. Известен указ Канцелярии синодального экономического правления об изготовлении новых одеяний для студентов по этому случаю от 1 сентября 1762 г.¹⁵⁵.

Из-за разрушений, причиненных пожаром, потребовалось перевести в соседний Никольский монастырь греческую школу и школу риторики. 13 сентября 1744 г. Синод велел «упомяненные во означенном Никольском Греческом монастыре две полаты, которые по общему онаго префекта того Греческаго монастыря с архимандритом согласию ко обучению означенной Академии реторики и Греческой школ студен-

¹⁵³ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 332. Л. 27–27 об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 28.

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3. № 25589. Л. 1–11.

тов явились быть угодны, очистить и объявленных школ студентов в них обучать впредь до указу»¹⁵⁶.

Продолжилась практика употребления на академические нужды «прогульных денег». 31 марта 1742 г. префекту иеромонаху Порфирию (Крайскому) Синод разрешил «работным людям двенадцать рублей да на покупку накрашенных в школе богословии катедры и на дачу живописцом десяти рублей, итого двадцать два рубля употребить и из имеющихся у тебя остаточных за роздачу прошлого 1741 году на сентябрьскую треть учеником денег»¹⁵⁷. Отметим, что исполнителем поручения является не ректор, а префект, что позволяет судить о его полномочиях. Однако и эта практика имела исключения. В 1744 г. префект иеромонах Иоанн (Козлович) поручил получение денежного содержания для студентов (сентябрьскую треть предыдущего года) из Коллегии экономии учителю Герасиму Карасеву. Следствием этого и явился инцидент, потребовавший даже расследования Коллегии экономии. По донесению префекта, Карасев «именной учеников реестр написал излишних неимеющихся в той Академии учеников, и по приеме из Коллегии Экономии на всех учеников деньги запечатаны были им, Карасевым, да школы богословия учеником Андреем Уматовым», а после раздачи денег «явилось де на нем, Карасеве, в начете 99 рублей 46 копеек», «и видя де тот начет он, Карасев, в расходной книге вместо неимеющихся в той Академии и вместо имеющихся учеников, которые уже жалование получили, вторично росписывался на другом месте». На допросе в Коллегии экономии Карасев показал, что «имянные учеников реестры писал он де по приказу помянутого префекта собранных от учителей черных реестров», деньги раздавал вместе со студентом Уматовым, «с теми ж деньгами мешки печатал один оной Уматов, и хранились де те деньги во Академии за замком помянутого префекта, а за печатью того ученика Уматова», а «он де, Карасев, из тех денег себе ничего не брал, кроме того, что на пищу копеек по пяти и по десяти в день, а при роздаче ж учеником как из оногo жалования вычли, так и у протчих третьей вычитали они по приказу префекта нижних школ

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 332. Л. 222–222 об.

¹⁵⁷ Там же. Л. 34.

учеников на префекта по десяти копеек, да на учеников школ богословии и философии, которые тех нижних школ учеников проучают за даваемые им от учителей уроки, по сороку копеек у каждого человека и отдавали те деньги им префекту и учеником все». Любопытная подробность — студенты старших курсов за вознаграждение помогали ученикам младших школ готовить домашнее задание. Кроме того, по неясным мотивам выделяется особая сумма «по приказу префекта нижних школ учеников на префекта по десяти копеек». Коллегия экономии приказала ректору, «чтоб вы имеющиеся в той Академии раздаточныя учеником расходные 1743 году деньги для надлежащего свидетельства и щету також и собранные от учителей о даче на сентябрьскую треть жалованья имянные черные реестры, с которых объявленной Карасев к выдаче из Коллегии Экономии оногo жалования белый реестр написал, ко усмотрению подали в Коллегию Экономии немедленно», и требовала объяснения, «за чьею печатью и замком и под чьим имянно хранением, и где в той Академии и каким подлинно случаем тот недочет явился, и для чего в поданных в Коллегию за рукою вашею имянных к выдаче того жалованья учеником реестра написаны на лицо ученики таковыя, которых в той Академии не имеется, також и нижних школ учеников на префекта по десяти школ богословии и философии на учеников по сороку копеек у всякого человека при каждой трети по какому указу и с которого году и у многих ли человек и для чего вычитается и куда те деньги употребляются»¹⁵⁸. Очевидно, что финансовая стесненность привела к злоупотреблениям, а в результате нарушители не смогли договориться и дело обнаружилось. Неизвестно, какие по делу были приняты меры.

По сложившейся практике Академия продолжала получать регулярные поставки дров для отопительных нужд из Коллегии экономии, а после 1744 г. — из Коллегии (канцелярии) синодального экономического правления. Сохранились сведения, что дрова поступали после донесений префекта от 2 декабря 1742 г.¹⁵⁹, 12 декабря 1744 г.¹⁶⁰, 18

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 332. Л. 189–190.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 1. № 6677. Л. 1–4.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 2. № 9305. Л. 1–3.

ноября 1746 г.¹⁶¹, 5 ноября 1747 г.¹⁶², 4 ноября 1748 г.¹⁶³, 21 сентября 1750 г.¹⁶⁴, 7 ноября 1754 г.¹⁶⁵, 12 октября 1758 г.¹⁶⁶, 29 сентября 1759 г.¹⁶⁷, 9 октября 1760 г.¹⁶⁸, 26 ноября 1762 г.¹⁶⁹.

Царствование императрицы Елизаветы Петровны принесло постепенное облегчение положения Церкви. 15 июля 1744 г. ее именным указом Коллегия экономии была упразднена и все ее функции были переданы Синоду: «Указали Мы Коллегию Экономии отставить и все доходы синодских, архиерейских и монастырских вотчин и прочая, что было в ведомстве той Коллегии, отдать в ведомство и управление Св. Синода по прежнему, со всеми расходы, на что было положено, и употреблялось из тех доходов при Вселюбезнейшем Нашем Родителе Государе Императоре Петре Великом, исключая один только Заиконоспаский училищный монастырь, с его доходы, который содержан будет на особой сумме, кроме вышеписанных доходов»¹⁷⁰. Знаменательно, что Заиконоспаский монастырь особо оговаривается в этом указе, чем лишний раз подчеркивается особое значение Академии для государства и ее высокий статус.

Таким образом, 30 июля 1744 г. Синод приказал жалование «ректору, такожде учителем, учеником и школьным сторожам на генварскую и майскую сего 1744 года трети» «выдать из имеющейся ныне наличной денежной казны», оставшейся после упразднения Коллегии экономии, и «о том в Канцелярию Синодального Экономического правления ... указ ... послан, а для ведома и что Святейший Синод в требованиях оную Академию не оставит, и где благопристойно к снабдению и удовольствию оной старание иметь будет к тебе ректору послать указ, о чем сей и посылается»¹⁷¹.

¹⁶¹ Там же. № 11240. Л. 1–3.

¹⁶² Там же. № 12205. Л. 1–2.

¹⁶³ Там же. № 12948. Л. 1–3.

¹⁶⁴ Там же. № 14497. Л. 1–4.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3. № 18236. Л. 1–3.

¹⁶⁶ Там же. № 21992. Л. 1–5.

¹⁶⁷ Там же. № 22749. Л. 1–7.

¹⁶⁸ Там же. № 23534. Л. 1–5.

¹⁶⁹ Там же. № 25837. Л. 1–5.

¹⁷⁰ ПСЗРИ. Т. 12. № 8993. С. 172–173.

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 332. Л. 202–202 об.

12 октября 1744 г. Синод напомнил о необходимости решить дело о финансировании Академии, как было обещано в упомянутом указе императрицы, упомянув, что «на жалование из упомянутой бывшей Коллегии Экономии производилось на год по четыре тысячи по четыреста по пятьдесят рублей», а «ректор Порфирий Крайский о снабдении ево с префектом, проповедники и учителя, и студентов, и Руской школы учителей жалованьем, и о починке имеющихся в той Академии ветхостей (чего де для две школы Риторик и Греческую принужден бывает и выведены в Греческий Николаевский монастырь), и на дрова просит, дабы представить, где надлежит. А отнуду и по коликому числу денежной суммы она Академия на содержание свое получать имеет, о том точного Вашего Императорского Величества указа еще не воспоследовало», поэтому «всеподданнейше Синод о вышеписанном к высочайшему Вашего Императорского Величества благорассмотрению представляя, всенижайшее просит о том высокоповелительного Вашего Императорского Величества указа»¹⁷². Согласно приложенным реестрам, в Академии в то время обучалось 409 студентов, в том числе в школах богословии — 17 человек, философии — 21 человек, риторики — 41 человек, пиитики — 9 человек, в греческой школе — 18 человек, синтаксисы — 21 человек, грамматики — 27 человек, инфимы — 30 человек, фары — 120 человек, в русской школе — 105 человек. Студенты богословии и философии получали по 4 копейки на день, остальные — по 3 копейки, ученикам русской школы полагалось «по 7 хлебов на день, а прежния года давались пси, каша, соль и квас». Там же указывались и другие нужды Академии: «На все школы до десяти сажень дров, кроме греческия, которая вновь заведена. Также же и всякое строение и починка бывала во всех школах и в кельях учительских и во всем монастыре и мостовая против монастыря и школьного двора. Ныне же еще не имеется и келей архимандрических. Сверх же всего того библиотеку порядочно устроить всячески нужно»¹⁷³. Согласно именному указу императрицы Соляной конторе было велено выплачивать из своих доходов на содержание Академии 4 450 рублей

¹⁷² РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. № 129. Л. 1–2.

¹⁷³ Там же. Л. 3–3 об.

в год по третям¹⁷⁴. Из рапорта Соляной конторы в кабинет Ее Императорского Величества видно, что после короткой задержки, во время которой Академия получила деньги из Канцелярии синодального экономического правления, содержание стало поступать регулярно¹⁷⁵. В то же время архитектор И. Мичурин составил смету, «колико к строению вновь Московской Славеногреколатинской Академии потребно материалов и во что оныя коштовать имеют». Требовалось собственно на возведение здания 29 195 рублей 76 с половиной копеек, на постройку учительских покоев — 19 300 рублей 18 копеек, на постройку «кухонь, погребов, погребниц и нужников» — 1 045 рублей 97 копеек, на постройку при учительских покоях переходов — 831 рубль 30 копеек, вместо заборов на решетчатую ограду вокруг семинарского двора — 1 281 рубль 10 копеек. Полная сумма составляла 51 654 рублей 31 с половиной копейки плюс еще 471 рубль 50 копеек, «ежели повелено будет в семинарских палатах в нижнем апартamente строить решетки»¹⁷⁶. Полная смета совпадает с суммой, указанной С. Смирновым в связи с возведением построек в Донском монастыре, однако из дела не видно, в каком монастыре предполагалось данное строительство, в Донском или Заиконоспасском.

В рассматриваемый период была продолжена практика медицинского обслуживания студентов и преподавателей в «московской гофшпитали» за счет «лазаретных денег». Так, на лечение были направлены: 19 января 1743 г. — ученик Матвей Гладков¹⁷⁷, 2 августа 1744 г. — ученик Гавриил Челепов¹⁷⁸, 7 декабря 1744 г. — ученик Иван Вербицкий¹⁷⁹, 17 января 1747 г. — студент Алексей Левицкий¹⁸⁰, 7 апреля 1747 г. — ученик Николай Федотов¹⁸¹.

Рассмотрев все факты, имеющиеся в источниках относительно материально-финансового положения Славяно-греко-латинской ака-

¹⁷⁴ Там же. Л. 5.

¹⁷⁵ Там же. Л. 6–6 об.

¹⁷⁶ Там же. Л. 7–21 об.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 2. № 6901. Л. 1.

¹⁷⁸ Там же. № 8924. Л. 1.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 2. № 9288. Л. 1.

¹⁸⁰ Там же. № 11430. Л. 1–2.

¹⁸¹ Там же. № 11745. Л. 1–2.

демии, можно сделать вывод, что оно было во многом аналогично системе обеспечения западноевропейских университетов. Этот вывод является хотя и дополнительным, но очень важным и значимым свидетельством университетского статуса Академии в XVIII в. Финансовая и материально-техническая база всегда являлась одним из важнейших элементов успешного функционирования любого учебного заведения. Когда при царе Федоре Алексеевиче проект Академии только задумывался, составители Привилегии снабдили Академию (хоть и на бумаге) весьма значительными средствами, прежде всего недвижимостью — основным источником стабильного дохода в то время. Было очевидно, что успех становления первой высшей школы в России напрямую будет зависеть от объема финансирования. Если бы этот проект Симеона Полоцкого осуществился, а царь Федор Алексеевич не скончался бы скоропостижно и продолжал покровительствовать Академии, развитие высшего образования шло бы совсем другими темпами. Что касается эпохи преобразований Петра I, то император вряд ли сомневался в необходимости выделения на Академию значительных ресурсов, в том числе вотчин. Поклонник всего европейского, он не мог не знать о развитии и условиях функционирования университетов в Европе. Но вместо финансовой поддержки он продолжал только предъявлять к Академии жесткие требования, в то время как корпорация и студенты перебивались крупными из государевой казны. То, что Академия не прекратила свое существование в петровское царствование, является заслугой митрополита Стефана Яворского и ректора архимандрита Феофилакта (Лопатинского). После учреждения Святейшего Синода более чем скромное, чтобы не сказать нищенское, материальное положение Академии было зафиксировано и регламентировано, хотя у Академии уже не было заботливого покровителя. Впоследствии настоящим «хозяином» Академии стал только митрополит Платон (Левшин).

ЛИТЕРАТУРА

Андреев 2009 — Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории России. М., 2009.

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

- Верховский 1999* — *Верховский П. В.* Населенные недвижимые имущества Св. Синода, Архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. СПб., 1909.
- Забелин 1884* — *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Ч. 1. М., 1884.
- Фонкич 1999* — *Фонкич Б. Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х гг. XVII в. (Типографская школа). М., 1999 (Очерки феодальной России. Вып. 3).
- Харлампович 1914* — *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Каз., 1914.